

Священник—герой.

Въ теченіе 13-ти лѣтъ покойный о. Филиппъ Петровичъ Горбаневскій состоялъ законоучителемъ Елисаветинской женской гимназіи въ Москвѣ.

На театрѣ военныхъ дѣйствій о. Горбаневскій уѣхалъ добровольно.

Въ настоящее время въ Москвѣ получено письмо командира полка, въ которомъ онъ былъ священникомъ.

Командиръ сообщаетъ много подробностей о подвигахъ на полѣ брани и послѣднихъ минутахъ священника-героя.

Въ полку о. Филиппъ находился только съ февраля нынѣшняго года, но и за это короткое время онъ успѣлъ снискать всеобщее уваженіе и любовь.

Опасности для о. Филиппа, казалось, не существовало. Ободряя солдатъ, онъ шелъ въ самыя опасныя мѣста, а затѣмъ, не отдыхая, исповѣдывалъ умирающихъ и хоронилъ павшихъ, часто подъ непрерывающимся огнемъ врага.

4-го мая о. Филиппъ, впереди шедшаго въ атаку полка, личнымъ примѣромъ ободрялъ новичковъ, впервые попавшихъ подъ огонь тяжелой артиллеріи.

Солдаты другъ-другу говорили:

— Смотри, батюшка впереди, нельзя отставать...

Внушительная фигура о. Филиппа представляла собою великолѣпную мишень для пристрѣляваемаго врага. Но на всѣ просьбы офицеровъ поберечьсебя, выйти изъ полосы огня, батюшка отвѣчалъ отказомъ:

— Я тамъ, гдѣ они,—говорилъ онъ, указывая на струю массу солдатъ.

Въ послѣдующихъ бояхъ его убѣждали:

— Батюшка, спрячьтесь въ окопы. Васъ видно. Хорошій стрѣлокъ сниметь васъ однимъ ударомъ.

Батюшка слушаетъ и стоитъ во весь ростъ на брустверѣ подъ неприятельскимъ огнемъ.

Всматривается, сощуривъ свои глаза, въ предвечернюю даль.

Проводитъ рукой по волосамъ и, обернувшись къ солдатамъ, кричить:

— Братцы, да вы ошиблись. Это не кавалерія, а опушка лѣса. Смотрите,—все время на одномъ мѣстѣ.

Солдаты сообщаютъ по цѣпи:

— Батюшка сказалъ...

8-го мая о. Филиппъ, по обыкновенію, находился въ передовой линіи, у „земляковъ“.

Въ этотъ день тяжелая артиллерія особенно свирѣпствовала.

Командующій полкомъ подполковникъ С. предостерегалъ батюшку.

О. Филиппъ улыбался и смотрѣлъ на всѣхъ такими веселыми, ласкающими глазами, что даже офицеры готовы были вѣрить въ безнаказанность сидѣнія подъ артиллерійскимъ обстрѣломъ.

Вечеромъ тяжелый снарядъ ударилъ въ окопъ, гдѣ находился батюшка.

Двухъ солдатъ, сидѣвшихъ справа отъ о. Горбаневского, разорвало на части.

Адъютанта тяжело ранило и засыпало землею.

Батюшка переломало кости и порвало тѣло.

Только его красивая голова осталась нетронутой.

Когда разбѣялся дымъ, батюшка, полузасыпанный землей, попросилъ контуженнаго капитана Б. откопать его.

— Удивительно,—передавалъ потомъ капитанъ,—просить откопать; говорить, что скоро умереть; весь въ крови; а смотреть веселыми глазами...

На перевязочномъ пунктѣ батюшка простился съ врачами, передалъ всѣмъ свой послѣдній привѣтъ.

Онъ страдалъ, но знакомое всѣмъ ласковое выраженіе его глазъ не измѣнилось.

Подѣхала линейка, на которой хотѣли перевезти батюшку въ отрядъ „Краснаго Креста“.

Одинъ изъ врачей, съ которымъ о. Филиппъ былъ особенно друженъ, сказалъ:

— Теперь, батюшка, успокойтесь и надѣйтесь на Бога.

О. Филиппъ отвѣтилъ:

— Милый докторъ, я спокоенъ, на Бога надѣялся всегда и смерти не боюсь.

Въ послѣдній разъ посмотрѣлъ онъ на окружавшихъ его носилки товарищей, съ трудомъ перекрестился, сложилъ на груди забинтованныя руки, глубоко вздохнулъ и закрылъ глаза навсегда.

Вести въ отрядъ „Краснаго Креста“ о. Горбаневского не пришлось...

— Смертью философа и христіанина отошелъ въ вѣчность добрый пастырь и отважный человѣкъ—заканчиваетъ свое письмо командиръ полка. („Русск. Сл.“).

Въ лицѣ о. Филиппа Петровича Горбаневскаго ушелъ изъ жизни человекъ, полный энергіи, горящій любовью къ людямъ, истинный христіанинъ, всю жизнь свою посвятившій неканію добра и правды.

О. Филиппъ родился въ 1869 г. сыномъ сельскаго дьячка Донецкой области. Окончивъ донскую семинарію, онъ въ 1892 году поступилъ священникомъ въ Глазуновскую станицу и съ первыхъ же шаговъ своей дѣятельности сталъ служить страждущему человѣчеству. Онъ попалъ въ станицу въ самый разгаръ года и выступилъ въ мѣстныхъ газетахъ съ сообщеніями о размѣрахъ бѣдствія и съ воззваніемъ о помощи.

Будучи переведенъ въ слободу Степановку-Грекову, онъ организуетъ тамъ приходское попечительство и устраиваетъ церковно-приходскую школу.

Весной 1897 г. умираетъ его жена. Лишившись семейнаго счастья, онъ ищетъ утѣшенія въ наукѣ и въ слѣдующемъ году поступаетъ въ московскую духовную академію.

По окончаніи академіи въ 1903 г. отецъ Филиппъ становится законоучителемъ Елизаветинской женской гимназіи въ Москвѣ. Отецъ Филиппъ отдаетъ всю душу своей новой дѣятельности и становится другомъ и защитникомъ юношества. Мое знакомство съ нимъ относится ко времени 1906 г., когда о. Филиппъ обратился ко мнѣ съ просьбой приглашать его на собранія, которыя устраивались нашимъ кружкомъ на разныя общественно-политическія темы. Изъ первыхъ же бесѣдъ съ нимъ я подивился его начитанности, его знакомству съ условиями социальнополитической жизни русскаго крестьянства, его стремленію всесторонне понять вопросы, волновавшіе тогда русское общество. Отецъ Филиппъ все время поддерживалъ сношенія съ роднымъ ему казачествомъ, посылая на родину книги, брошюры. Живя самъ въ крохотной квартиркѣ, онъ весь заработокъ употреблялъ на помощь бѣднымъ родственникамъ и на ихъ обученіе. Будучи цѣлый день занятъ уроками въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ, онъ всѣ вечера отдавалъ наукѣ, посѣдая лекціи коммерческаго института, гдѣ состоялъ вольнослушателемъ.

По убѣжденіямъ отецъ Филиппъ былъ народникомъ, и эта любовь къ народу особенно ярко воплотилась въ немъ въ послѣдніе славные мѣсяцы его жизни. Онъ не могъ остаться здѣсь, въ тылу, укаживая за ранеными, и все время стремился на позиціи.

Наконецъ, 31-го января онъ отправился священникомъ въ дѣйствующую армію и попалъ въ ... полкъ, входящій въ знаменитую 48-ю дивизію генерала Корнилова. На этомъ посту онъ и остался до 9-го мая, когда непріятельскій снарядъ положилъ конецъ его жизни. Въ нашемъ распоряженіи находится выдержка изъ писемъ о. Филиппа къ его дочери. Письма эти такъ живо и характерно передаютъ весь обликъ этого замѣчательнаго человѣка, что не нуждаются ни въ какихъ дополненіяхъ.

Отъ 23-го февраля. Твой папа попалъ въ славную Суворовскую дивизію, поэтому и долженъ знамя держать высоко.

Отъ 11-го марта. Постепенно вхожу во всѣ стадіи дѣятельности. Вчерашній и сегодняшний день хоронимъ убитыхъ русскихъ и австрійцевъ.

13-го. Я здоровъ и половъ счастья, что ожиданія мои оправдались и что моя дѣятельность вполне удовлетворяетъ меня и не бесполезна для дѣла.

18-го. Прежняя халупа находилась среди населенія, а теперешняя съ правой стороны. Я пишу съ некоторымъ сердечнымъ волненіемъ.

Рвутся снаряды пока еще въ нѣкоторомъ разстояніи, но все волнуется, особенно жители... Но отъ смерти не уйдемъ. Конечно, сердце бьется усиленнѣе, и мысль работаетъ лихорадочно, вспоминаешь прошлое, но нужно быть спокойнымъ, и спокойствіе вселять въ окружающихъ... Съ бьющимся сердцемъ сижу у стола, пишу рапортъ командиру о службѣ 12-ти евангелій, надѣясь, что я не только окончу писать, но и сдѣлаю то, о чемъ пишу. А снаряды рвутся все ближе и ближе... Что Богъ дастъ. Если Господь сохранитъ меня, то сохранитъ для того, чтобы я жилъ для любви къ людямъ и умѣлъ видѣть страданіе.. Было много хорошихъ словъ, но дѣлъ не помню... Спокойствіе постепенно возвращается.

23-го марта. . . . Рѣшилъ отправиться на позиціи, верстахъ въ двухъ, пѣшкомъ. Въ 12 ч. былъ у командира Н. Полякъ, милый человекъ и боевой офицеръ, принялъ радушно. У него землянка изъ бревенъ и досокъ, полъ изъ досокъ, а подъ ними вода. Окно. Печь. Кровать изъ досокъ. Сыровато, но тепло. Отслужилъ молебень у наблюдательнаго пункта и съ пріемомъ пасхальныхъ молитвъ обошелъ наши окопы. Солдаты выходили изъ окоповъ и землянокъ и отвѣчали на мои привѣтствія. Сидѣвшіе въ окопахъ солдаты страстную недѣлю и Пасху провели тамъ, и потому были очень рады моему посѣщенію. Съ солдатами я схожусь все ближе и ближе, и стараюсь быть тамъ же, гдѣ и они. Это на нихъ дѣйствуетъ хорошо. Долго бесѣдовалъ съ однимъ командиромъ роты Г.; онъ—окончившій университетъ, служилъ въ сенатѣ, получилъ хорошее воспитаніе, занять очень интереснымъ и важнымъ вопросомъ: желаетъ въ интересахъ человека примирить жизнь, науку, религію и искусство. Много думаетъ и пишетъ. Вѣрующій и храбрый офицеръ, всегда впереди. И самъ вѣрить, и солдатъ старается убѣдить, что теперь на войнѣ человекъ болѣе всего подготовленъ къ смерти и постоянно думаетъ о ней, внутренне исповѣдась передъ самымъ Богомъ, а потомъ въ жизни опять загрязнить себя и такимъ можетъ умереть. При благоприятныхъ обстоятельствахъ и если Господь сохранитъ его при его беззаветной храбрости, можетъ выработаться если не философъ, то Богоискатель. Тронуть меня вѣрной почтительностью къ моему сану. Возвратился домой по поясъ въ грязь.

2-го апрѣля. Моя деревушка ближе другихъ къ нашимъ окопамъ и непріятельскимъ позиціямъ и потому обстрѣливается въ первую очередь. Меня звали въ болѣе безопасное мѣсто, но я такъ привыкъ къ комнатѣ и выстрѣламъ, что никуда не хочу ѣхать. Частенько бываю у нашихъ окоповъ, разгоняя и свою и солдатскую скуку. Хозяева, чуть стрѣльба, уходятъ, и я остаюсь на-сторожѣ ихъ движимаго и недвижимаго имущества. Живется недурно, надобна только грязь и мокрота...

Карпаты, 11-го апрѣля. Пріѣхать ко мнѣ?! Можно, но зачѣмъ? Повидаться?! Конечно, было бы приятно. Но это—дорогое удовольствіе. Не въ смыслѣ расходовъ, а въ томъ, что пришлось бы на столько времени бросить раненыхъ.

Письмо къ сестрамъ милосердія.

Благодарю васъ всехъ. Ждите отвѣта. Отъ всего сердца прошу васъ, работайте вмѣстѣ и не расходитесь, а на шопотъ и рѣчи за спиной—плюньте. Будьте выше всего этого. Что дѣлать? Нужно потерпѣть, а, можетъ быть, и немножко взять себя въ руки и подтянуться. Люди—вездѣ люди, и даже здѣсь, гдѣ нынѣ живъ, а завтра отъ тебя можетъ ничего не остаться, люди сохраняютъ и все свои слабости. Переродитесь

вмигъ—счастье немногихъ. Ну, дѣтки, будьте здоровы, веселы и энергичны.

20-го апрѣля (Угорщина). Работайте, не хандрите и подбадривайте слабыхъ духомъ! Ждемъ—не дождемся наступленія. Вотъ когда бываетъ горячо! Нашихъ солдатъ не удержишь, и много ихъ гибнетъ отъ пуль и ядеръ, но стоитъ только имъ добратся до австрійскихъ окоповъ... Вотъ только когда и я страдаю, пропускаю мимо себя раненыхъ и отпавшая убитыхъ. И когда люди перестанутъ ненавидѣть одного другого? Сейчасъ здѣсь самое горестное видѣть, какъ гибнетъ въ огнѣ несложное богатство крестьянъ, видѣть горе хозяевъ, особенно женщинъ, когда онѣ лишаются послѣдняго имущества,—ихъ испугъ, слезы дѣтей, страданія стариковъ и старухъ, лишившихся крова и куска хлѣба...

Что за жалобы на жизнь?! Что за хаосъ мыслей и чувствъ?! Возьмите себя въ руки! Нужно жить съ людьми, и не нужно много страдать тамъ, гдѣ достаточно одного игнорирования окружающей обстановки. Мы все здѣсь бодры. Каждый рѣшилъ: къ смерти будь готовъ каждый мигъ! Вотъ и сію минуту рвутся двойные снаряды. Докторъ спитъ, а я пишу. Стоитъ только снаряду попасть въ нашу халупу...

Сидите вмѣстѣ, работайте и въ работѣ забывайте все невзгоды. Опять снаряды... крикъ... вой... вытаскиваютъ имущество... Я пишу.

О послѣднихъ дняхъ и часахъ.

— Я—церковникъ 192-го Рыминскаго полка Захаръ Селивановъ, который съ вашимъ отцомъ служилъ и находился ежеминутно съ ними и былъ имъ доволенъ. Службы у насъ были часто, каждый малый праздникъ не пропускали, они были очень охотники служить и ободрять солдатъ.

Сообщаю про вашего отца, какъ и что съ ними. Начался бой, батюшка пошелъ въ рядахъ солдатъ, съ крестомъ въ рукахъ, присутствуя съ крикомъ „ура“ въ атакѣ, въ переднихъ рядахъ. Это было дѣло подѣ мѣстечкомъ Я. Мы пошли въ другую сторону и опять же такъ вмѣстѣ съ солдатами. Они пошли, и я съ ними, и мы хоронили на позиціи солдатъ, которые при нашихъ глазахъ убиты, хоронили подѣ большими огнемъ орудейнымъ, и вотъ мы съ ними пробыли сутки въ окопахъ подѣ страшными выстрѣлами.

Вдругъ прилетаетъ одинъ снарядъ и угодила прямо въ нихъ, очень шибко поранило, ногу правую контузило и переломило выше колѣна, лѣвую ногу пробило и переломило кость тоже въ этомъ мѣстѣ, ступню лѣвой ноги тоже пробило, лѣвый бокъ въ трехъ мѣстахъ сдѣлало раны. Привезъ я его на перевязочный пунктъ, сдѣлалъ докторъ хорошую перевязку. Дѣло было къ ночи. Они разговаривали все время въ памяти и спокойно, все вспоминая Бога, желая поскорѣ умереть. Причастились подѣ конецъ жизни и спокойно отдали душу Господу Богу. Жили всего часовъ семь послѣ пораненія. Похоронили 10-го мая съ почестью пять священниковъ, около церкви м. Олешница.

А. Титовъ.

(„Рус. Вѣд.“).